

IVRIS PRAECEPTA SVNT HAEC:
HONESTE VIVERE, ALTERVM NON LAEDERE,
SVVM CVIQVE TRIBVERE

(VLPIANVS LIBRO PRIMO REGVLARVM. D. 1.10.1)

PUBLICA VNIVERSITAS
STVDIORVM MOSCOVIAE
«LOMONOSOV»
FACVLTA IVRIDICA

ACADEMIA SCIENTIARVM
RVSSIAE
INSTITVTVM
HISTORIAE VNIVERSALIS

CENTRVM IVRIS ROMANI INVESTIGANDI

IVS ANTIQVVM

II (XXXIV)

Moscoviae MMXVI

МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА

ДРЕВНЕЕ ПРАВО

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2 (34)

Москва 2016

УДК 34(075.8)
ББК 67.99(2)95
Д 73

Настоящий номер издается при поддержке
Университета г. Сассари, Италия

Questo volume è pubblicato con il contributo
dell'Università di Sassari, Italia

ДРЕВНЕЕ ПРАВО: Научно-практический журнал. No. 2 (34). — М.: ИД В. Ема, 2016. — 276 с.

ISSN 2309-4567

Данный том продолжает периодическое издание общероссийского научного журнала по римскому праву и его рецепции. Издание рассчитано на публикацию статей не только российских ученых, но и западных романистов, с тем чтобы ближе познакомить отечественных исследователей с достижениями западной романистики. Вместе с тем совместные публикации позволяют установить более тесный и плодотворный научный контакт между российскими и западными учеными. В целях ввода в научный оборот России возможно большего числа источников по римскому праву и его рецепции в каждом номере публикуются новые, ранее не переводившиеся на русский язык труды древних юристов. Приглашаем юристов и историков России и других стран присылать свои статьи, рецензии и другие материалы для публикации в нашем журнале.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.В. Бибиков, С.И. Герасимов, Я. Заблоцки, А. Корбино, Ф. Сини
(зам. гл. редактора), Е.А. Суханов (председатель редакционного совета),
А.О. Чубарьян

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Л.Л. Кофанов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.В. Ауров, Е.В. Белякова, С.С. Бугрова, В.В. Дементьева, А.А. Иванов,
А.С. Карцов, А.В. Копылов, Н.А. Крашенинникова, Е.В. Ляпустина,
А.В. Марей, И.Л. Маяк, П. Ничипорук, Р. Орту, А.Д. Рудоквас, В.А. Савельев
(зам. гл. редактора), О. Сакки, М. Скрейпек, А.Л. Смышляев, И.Е. Суриков,
А.И. Солопов, А. Тайцлин, К. Танев, П. Тодини, В.А. Томсинов,
В.И. Уколова, Ф.Р. Фернандес де Бухан Фернандес,
И.С. Филиппов, Э.Д. Фролов, А.М. Ширвиндт

РЕДАКЦИЯ

А.В. Еремин, Д.А. Литвинов, И.В. Лушникова,
А.А. Панов (отв. секретарь), Е.С. Марей, Д.Ю. Полдников,
А.В. Рудаков, С.Я. Сомова

К 1203020200-003 без объявл.
4Ф3(03)-95

© Центр изучения римского права, 2016
© «Издательский дом В. Ема», редподготовка, оформление, 2016

INDICE

СОДЕРЖАНИЕ

DIRITTO GRECO

ГРЕЧЕСКОЕ ПРАВО

Lenskaja V.S. (Mosca).
Exeghetai in Atene come esperti
delle leggi divine ed umane

8 Ленская В.С. (Москва).
Экзегеты в Афинах как знатоки
законов божеских и человеческих

DIRITTO ROMANO

РИМСКОЕ ПРАВО

Sacchi O. (Napoli).
La «proprietà quiritaria»
tra natura e diritto. La sua fun-
zione economica nel sistema del
diritto pubblico romano e in chiave
attuale (fine)

24 Сакки О. (Неаполь). «Квирит-
ская собственность» между при-
родой и правом. Ее экономиче-
ская функция в системе римского
публичного права и в разрезе
современности (окончание)

Vasiliev A.V. (San-Pietroburgo).
Sul problema dell'evoluzione
dell'istituto del potere del magistrato
a Roma negli anni 342–227 a.C.

54 Васильев А.В. (Санкт-Петербург).
К вопросу об эволюции
института магистратской власти
в Риме в 342–227 гг. до н.э.

Liapustina E.V. (Mosca).
Roma e le province:
diritto romano tra teoria e pra-
tica (Pegaso sulla giurisdizione
municipale)

74 Ляпустина Е.В. (Москва).
Рим и провинции: римское пра-
во между теорией и практи-
кой (Пегас о муниципальной
юрисдикции)

Zabłocka M. (Varsavia).
Le origini romane
delle tecniche legislative

86 Заблоцка М. (Варшава).
Римские истоки
законодательной техники

Skřejpek M. (Praga).
«Publicum» nella concezione dei
giuristi romani (il 16° e 17° titolo
del 50° libro del Digesto)

99 Скрейпек М. (Прага).
«Publicum» в концепции рим-
ских юристов (16-й и 17-й титу-
лы 50-й книги Дигест)

DIRITTO ROMANO
IN OCCIDENTEРИМСКОЕ ПРАВО
НА ЗАПАДЕ

Marey E.S. (Mosca).
Definizione del *ius gentium*
e il suo posto nel diritto secondo
Isidoro di Siviglia

114 Марей Е.С. (Москва). Определе-
ние *ius gentium*
и его место в разделении права
у Исидора Севильского

**DIRITTO ROMANO
E ATTUALITÀ**

Kofanov L.L. (Mosca).
Il Principio «*omne ius quo utimur uel ad personas pertinet uel ad res uel ad actiones*» (D. 1.5.1)
e la sua attualità sia per il diritto pubblico romano antico che per quello attuale

Todini P. (Roma).
La responsabilità del giudice: un'indagine sulle radici romanistiche della disciplina nazionale, anche alla luce della giurisprudenza della Corte di Giustizia Europea

DALL'EREDITÀ SCIENTIFICA

Pacchioni G.
Il concetto di obbligazione: da F.C. di Savigny al Codice civile tedesco

ATTIVITÀ SCIENTIFICA

Kofanov L.L. (Mosca)
Recensione al libro: *Digesta neboli Pandekty, svazek I, kniha I-XV, vybrané části*. Red. M. Skřejpek. Univerzita Karlova v Praze: Nakladatelství Karolinum, 2015

SUPPLEMENTO

Il Codice di Giustiniano degli avvocati.
Traduzione di E.V. Liapustina, L.L. Kofanov ed altri. Preparazione del testo latino, introduzione, commento e redazione di L.L. Kofanov (Mosca)

**РИМСКОЕ ПРАВО
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

130 Кофанов Л.Л. (Москва).
Принцип «*omne ius quo utimur uel ad personas pertinet uel ad res uel ad actiones*» (D. 1.5.1)
и его актуальность как для римского, так и для современного публичного права

157 Тодини П. (Рим). Ответственность судьи: исследование римских корней национально-го законодательства, в том числе в свете практики Суда Европейского Союза

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

184 Паккиони Д.
Понятие обязательства: от Ф.К. фон Савиньи до Германского гражданского уложения

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

210 Кофанов Л.Л. (Москва)
Рецензия на книгу: *Digesta neboli Pandekty, svazek I, kniha I-XV, vybrané části*. Red. M. Skřejpek. Univerzita Karlova v Praze: Nakladatelství Karolinum, 2015

ПРИЛОЖЕНИЕ

218 Кодекс Юстиниана об адвокатах.
Перевод коллектива переводчиков: Е.В. Ляпустиной, Л.Л. Кофанова и др. Подготовка латинского текста, введение, комментарии и редактирование Л.Л. Кофанова (Москва)

А.В. ВАСИЛЬЕВ*

**К ВОПРОСУ
ОБ ЭВОЛЮЦИИ ИНСТИТУТА
МАГИСТРАТСКОЙ ВЛАСТИ В РИМЕ
В 342–227 ГГ. ДО Н.Э.**

В статье рассматривается развитие института магистратской власти в Риме в период от плебисцита Генуция, впервые установившего законодательные нормы избрания на высшие должности в Риме, до учреждения первых римских провинций в результате Первой Пунической войны. Тяжелые войны, с которыми столкнулся Рим в этот период, становятся причиной несоблюдения этого плебисцита, а также появления нового инструмента решения военных задач — продления магистратских полномочий. Автор обосновывает точку зрения о том, что использование промагистратуры уже с начала III в. до н.э. становится вполне нормальным явлением в государственной практике Римской республики. Кроме того, в статье анализируются факты, демонстрирующие рост самостоятельности магистратов в военных делах (невыполнение тех или иных указаний сената, появление у некоторых римских магистратов личной клиентелы на территории, где велись боевые действия). Наконец, автор рассматривает причины и характер изменений института магистратской власти, связанных с созданием первых провинций.

Ключевые слова: Рим, республика, магистраты, консулы, сенат, промагистратура, преторы, провинция.

The paper examines the development of the office of magistrate in Rome in the period from the plebiscite of Genucius, which first established a legislation in relation to election to the highest offices in Rome, before the foundation of Roman provinces as a result of the First Punic war. The war time upheavals led to the violation of this plebiscite as well as the emergence of a new instrument to further military objectives — prorogation of magistrate's powers. The paper provides the support to the view that use of this instrument became a normal practice in the Roman republic already from the beginning of the third century B.C. Furthermore the paper surveys the evi-

---

* Васильев Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, учитель истории Санкт-Петербургской классической гимназии № 610.

dence which demonstrate the growth of the magistrates' independence in military affairs (failure to comply with the directions of the senate, appearance of the magistrate's personal clientele on the territory of military operations). In conclusion the paper discusses the reasons for and the character of change with regard to the magistrate's power as a result of the foundation of the first provinces.

Keywords: Rome, republic, magistrates, consuls, senate, promagistracy, praetors, province.

К середине IV в. до н.э. становление системы магистратур классической Республики в основных чертах завершилось. Основным результатом этого процесса было разделение полномочий первоначальной высшей магистратуры Республики среди нескольких должностных коллегий разного уровня: цензоры получили право проведения ценза, преторы — гражданское судопроизводство, курульные эдилы — городскую администрацию, а квесторы — контроль над финансами. Кроме того, а во многом и в связи с этим процессом произошло значительное укрепление роли сената в ущерб высшей магистратуре. Сенат стал определять внутреннюю и внешнюю политику Римского государства, а консулат, сохраняя свой престиж и ведущее положение в системе магистратур, приобрел характер главным образом военной должности.

В данной статье будут рассмотрены некоторые особенности развития института магистратской власти в период от принятия плебисцита Генуция до появления первых римских провинций. Эти хронологические рамки заданы не случайно: на наш взгляд, на данном этапе появляется ряд новых тенденций, нехарактерных для предыдущего периода развития системы римских магистратур. Анализу этих тенденций и их воздействия на римскую политическую систему главным образом и посвящена настоящая статья.

Начиная рассмотрение этой темы, мы сталкиваемся с проблемой фрагментарности источниковой базы для довольно длительного исторического периода (292–219 гг. до н.э.). Дело в том, что соответствующие книги исторического труда Тита Ливия, описывающие события данного периода, утрачены и в нашем распоряжении имеются лишь так называемые периохи, т.е. краткие содержания этих книг. Правда, в распоряжении исследователей остаются первые две книги Полибиевой «Всеобщей истории», посвященные Первой Пунической войне (264–241 гг. до н.э.), а также периоду подготовки к Ганнибаловой войне. Однако Полибий в этой части своего труда описывает главным образом военные события, практически не касаясь вопросов внутреннего развития Римского государства, а его анализ римской конституции относится уже ко II в. до н.э.

Тем не менее на основании разрозненных свидетельств античных авторов все же возможно выявить некоторые тенденции этого исторического этапа развития института магистратской власти.

Для начала рассмотрим ту систему магистратур, которая сложилась к середине IV в. до н.э. Одной из характерных черт этой системы была немногочисленность самих должностных лиц. Исследователи по-разному оценивали число магистратов Республики в эту эпоху¹. Впрочем, они сходились в том, что политическая система Римской республики не предполагала наличия бюрократии. А. Тойнби подчеркивал, что главным недостатком римской администрации в Италии была неспособность римлян создать иные формы управления, кроме традиционных институтов города-государства, не предназначенных для администрирования столь обширной и густонаселенной территории².

П. Фраккаро полагал, что единственной попыткой создать централизованную администрацию на местах было назначение в Капую (318 г. до н.э.) и некоторые другие города Италии префектов для судопроизводства (*praefecti iure dicundo*), о которых мы имеем отрывочные свидетельства у Ливия и в словаре Феста (*Liv. IX.20.5; Fest. s.v. praefecturae*). Однако этот шаг был единичным, и в остальном местное самоуправление после объединения Италии продолжало осуществляться обычными общинными институтами³.

Впрочем, уже в IV в. до н.э. в распоряжении всех высших магистратов, по-видимому, появился определенный канцелярский аппарат, без которого они просто не могли бы исполнять широкий круг своих обязанностей. По-видимому, довольно рано при магистрате складывается совет (*consilium*), в состав которого могли входить и сенаторы, а кроме того, у магистратов имелся значительный штат помощников – ликторы (*lictores*), писари (*scribae*), посыльные (*viatores*), глашатаи (*praecones*)⁴.

Из дошедших до нас источников мы знаем имя по крайней мере одного такого служащего, писца (*scriba*) Гнея Флавия, который был избран

---

¹ Г. де Санктис насчитывал 31 ежегодно избираемого магистрата, включая в это число двух консулов, одного претора, четырех квесторов, двух плебейских и двух курульных эдилов, 10 плебейских трибунов и 10 децемвиров для разрешения судебных споров (*decemviri stlitibus iudicandis*): De Sanctis 1960, 225–226; X. Скаллард, не считавший плебейских трибунов и децемвиров (а вслед за Г. де Санктисом и цензоров) магистратами, сократил это число до 11: Scullard 1935, 110; Э. Линтотт на основании свидетельства Помпония (D. I.2.2.29–31) насчитывал до 50 одних только младших магистратов, включая в это число 26 военных трибунов: Lintott 1999, 139. Очевидно, что даже при самом широком подсчете число магистратов Республики не превысит сотни.

² Toynbee 1965, 294.

³ Fraccaro 1933, 205.

⁴ Scullard 1935, 110.

курульным эдилом около 304 г. до н.э. вопреки воле сената и председательствовавшего на выборах магистрата. Имеется несколько различных версий о карьере этого человека, но, по-видимому, наибольшего доверия заслуживает передаваемое Авлом Геллием свидетельство анналиста II в. до н.э. Луция Кальпурния Пизона (*Gell. N.A. VII.9*)⁵. Гней Флавий, бывший сыном вольноотпущенника и служивший писцом при эдилах 305 г. до н.э., бросив таблички и отказавшись от платной должности писца, был избран к большому недовольству нобилитета эдилом на следующий год. Он обнародовал гражданское право, а точнее, исковые формулы (*ius civile Flavianum* – D. I.2.2.7), которые ранее сохранялись у понтификов, а также календарь, и, кроме того, освятил храм Согласия (*Concordia*), несмотря на то, что ранее освящение храмов было исключительно прерогативой консулов (*Liv. IX.46.5–7; Cic. De Orat. I.186; Val. Max. II.5.2; Plin. N.H. XXIII.17*). Интересно, что после этого был принят закон, запрещающий освящать храм без приказа сената или большинства трибунов (*Liv. IX.46.7*).

История Гнея Флавия показывает наличие в конце IV в. до н.э. тенденции к демократизации римских магистратур и всей политической системы Республики. Это явно выражено в сентенции Ливия о так называемой рыночной клике (*forensis factio*), набравшей силу в цензорство Аппия Клавдия (312 г. до н.э.) и избравшей Флавия эдилом (*Liv. IX.46.10*). Впрочем, эта тенденция встретила ожесточенное сопротивление знати, что выразилось и в принятии указанного выше закона, а также в отмене цензорами Квинтом Фабием и Публием Децием (304 г. до н.э.) предпринятой Аппием реформы трибутных комиций, по которой неимущая масса городского плебса распределялась по всем трибам, а не только по четырем городским (*Liv. IX.46.11–14*).

В рамках тенденции к демократизации магистратур можно также отметить передачу от консулов к народу права избирать 16 из 24 военных трибунов легионов по предложению народных трибунов Луция Атилия и Гая Марция в 311 г. до н.э., а также новых должностных лиц (*duumviri navales*), учрежденных по предложению Марка Деция и ведавших флотом (*Liv. IX.30.3–4*). Можно ли считать этих младших командиров магистратами? С одной стороны, Ливий говорит об их полномочиях как об *imperia* (*Liv. IX.30.3*), с другой – они, очевидно, были лишены *potestas* и действо-

⁵ Ливий вдобавок к своему описанию этой истории, которое он заимствует от Пизона (*Liv. IX.46.2*), предлагает версию другого анналиста, Лициния Макра, согласно которой Флавий оставил службу еще до того, как стал трибуном и одним из триумвиров – один раз в ночном триумвирате, другой – в триумвирате, ведавшем поселениями (*Liv. IX.46.3*). Однако эта версия не вызывает доверия, поскольку, как известно, «ночные триумвиры» или триумвиры по уголовным делам (*tresviri capitales*) появились лишь в начале III в. до н.э. (*Liv. Per. 11*).

вали под ауспигиями высших магистратов. Кроме того, эти должности не входили в *cursus honorum*, а значит, считать их магистратурами было бы преувеличением. Тем не менее эти посты были первыми ступеньками в политической карьере, которые должны были пройти представители новой плебейско-патрицианской знати, чтобы получить возможность выставить свою кандидатуру на магистратские должности.

В тяжелых и продолжительных войнах, с которыми Рим столкнулся начиная с последней трети IV в. до н.э., Республике потребовались испытанные военачальники, а потому любые ограничения на занятие должностей, введенные ранее, должны были быть отброшены в сторону. Действительно, правило о запрете *continuatio* (повторного избрания на должность консула без соблюдения 10-летнего промежутка), введенное плебисцитом Л. Генуция (342 г. до н.э.), теперь практически не соблюдалось. Только с 327 по 308 г. до н.э. закон нарушался больше десятка раз (по несколько раз без соблюдения 10-летнего интервала становились консулами Кв. Публилий Филон, Г. Юний Бубульк, Кв. Фабий Максим Руллиан и П. Деций Мус). Абсолютным рекордсменом стал трехкратный триумфатор Луций Папирий Курсор, который за этот период пять раз был консулом (326, 320–319, 315, 313 гг. до н.э.) и два раза диктатором (324, 309 гг. до н.э.).

Такие нарушения дали повод поставить под сомнение свидетельство традиции о самом плебисците Генуция⁶, однако, на наш взгляд, это сомнение недостаточно обосновано, учитывая, что нарушения тех или иных законов в кризисных военных обстоятельствах для римлян не были редкостью, а нарушение плебисцита Генуция вполне объяснимо в контексте Второй Самнитской войны.

В таких условиях оказалось вполне логичным введение нового механизма преодоления ограничений, связанных с принципом срочности магистратуры. В 327 г. до н.э. был предложен закон, по которому консулу Квинту Публилию Филону по истечении его консульского года впервые был продлен империй в звании *pro consule*⁷: «С трибунами договорились предложить народу, чтобы по окончании консульства Квинт Публилий Филон вел дело вместо консула»⁸. Ливий сообщает также о том, что

---

⁶ Billows 1989, 112–133.

⁷ Дионисий дважды сообщает о получении проконсульской власти в V в. до н.э.: Цезоном Фабием в 478 г. до н.э. (*Dion. Hal.* IX.16.3) и Титом Квинкцием Капитолином в 464 г. до н.э. (*Dion. Hal.* IX.43.2), однако это очевидный анахронизм, связанный, на наш взгляд, с необходимостью объяснить, на каких правовых основаниях воевали тогда частные армии родов. Впрочем, на этот счет есть и другая точка зрения, см.: Ogilvie 1965, 399–400.

⁸ *Liv.* VIII.23.12: *actum cum tribunis est ad populum ferrent ut, cum Q. Publilius Philo consulatu abisset, pro consule rem gereret.*

Публилию Филону был впервые предоставлен триумф после окончания срока консульства (*Liv.* VIII.26.7). Факт первой пророгации империя в отношении Филона подтверждается и таким эпиграфическим памятником, составленным уже в эпоху Августа, как Капитолийские фасты, в составе которых имеются и списки триумфов: именно Филон упомянут в этом документе первым, кто отпраздновал триумф в ранге проконсула (*primus procos.* — *Act. Triumph. Degrassi* 70 f., 541).

С тех пор новый способ преодоления срочности магистратуры стал применяться еще чаще: проконсульские полномочия во время Второй и Третьей Самнитских войн получил Квинт Фабий Руллиан в 309 (*Act. Triumph. Degrassi* 76 f., 542), 307 (*Liv.* IX.42.2) и 296 гг. до н.э. (в последнем случае вместе с Публием Децием Мусом), а также Луций Волумний в 295 г. до н.э. (*Liv.* X.22.9). По замечанию автора специального исследования о римских промагистратурах В. Яшемски, со времени Филона пророгация империя применялась римлянами столь часто, что к началу Ганнибаловой войны стала обычной процедурой, не требующей особых условий⁹.

Исходя из этого пророгация империя определялась некоторыми исследователями как «правовая фикция», призванная решить управленческие проблемы, не отказываясь формально от принципа срочности магистратуры¹⁰. Впрочем, существует и иная точка зрения. Р. Девелин, проанализировав все случаи продления империя с 326 г. до н.э. до времен Ганнибаловой войны, утверждает, что в большинстве из них речь шла о чисто формальной процедуре, связанной с необходимостью обладания империей для празднования триумфа, а не о полноценном институте промагистратуры, призванном решать те или иные административные задачи. В частности, автор доказывает именно такой характер двух пролонгаций империя Кв. Фабия в 309 и 307 гг. до н.э., а также проконсула и триумфатора 280 г. до н.э. Л. Эмилия Барбулы, победителя тарентинцев и самнитов (*Act. Triumph. Degrassi* 72 f., 545 f.); проконсула 258 г. до н.э. Г. Аквиллия Флора, вернувшегося из Сицилии и отпраздновавшего триумф в том же году (*Act. Triumph. Degrassi* 76 f., 548); Л. Цецилия Метелла, триумфатора и проконсула 250 г. до н.э. (*Act. Triumph. Degrassi* 76 f., 549); наконец, проконсула 241 г. до н.э. Г. Лутация Катула, победителя карфагенян в решающем морском сражении при Эгатских островах в конце Первой Пунической войны (*Act. Triumph. Degrassi* 76 f., 549). Во всех этих случаях, по мнению английского историка, речь идет о формальной промагистратуре, а доказательством этому служит отсутствие в Полибиевой

⁹ Jashemski 1950, 17.

¹⁰ Stuart Jones, *Last* 19286, 531; Jashemski 1950, 2.

истории каких-либо сведений о военных предприятиях указанных лиц во время их проконсулата¹¹.

Для IV в. до н.э. говорить о промагистратурах как о сложившемся институте действительно представляется преждевременным, поскольку первый проконсулат был результатом народного голосования (*Liv.* VIII.23.11–12), а не сенатского решения, которое станет обязательным для продления полномочий позднее¹². Общие временные ограничения при исполнении промагистратуры в IV–III вв. до н.э. также не были еще четко определены и зависели от случая: шесть месяцев — для обоих консулов 297 г. до н.э. (*Liv.* X.16.1), один год — для Фабия Руллиана в 307 г. до н.э. (*Liv.* IX.42.2) или вообще крайне абстрактно — до исполнения данного поручения (*Liv.* VIII.23.12). По мнению Ф. Кассолы, в конкретном случае с Филоном желание сената оставить его в Кампании было обусловлено тем, что именно он был инициатором политики экспансии в этом регионе, а также, по всей видимости, имел связи с греческой аристократией (Неаполь был сдан римлянам по секретному соглашению с верхушкой города, а когномен Филон явно греческого происхождения)¹³.

Однако в схему Девелина совершенно точно не вписывается проконсулат М. Атилия Регула, который, по свидетельству Полибия, надеялся закончить войну до прибытия преемника (*Polyb.* I.31.4). Да и о Г. Лутации Катуте из хроники Иоанна Зонары известно, что он уже был проконсулом, когда еще только вел переговоры и заключал мир с карфагенянами, и лишь после этого получил право на триумф (*Zon.* VIII.11). Незначительное число известных нам пророгаций в период с 292 по 217 г. до н.э. может быть связано с тем, что о проконсулах и пропреторах этого периода нам известно в основном из Триумфальных фаст, а отнюдь не все промагистраты получали право на триумф¹⁴.

Таким образом, инструмент пророгации не был исключительно средством обеспечить правовой статус триумфаторов. Идея промагистратской власти все-таки родилась именно в период Второй Самнитской войны, что явилось следствием тех самых событий, которые привели к неисполнению плебисцита Генуция. Важнейшим среди них было вступление Рима на путь тяжелых и долговременных вооруженных конфликтов, которые привели к объединению Италии. Одной из главных причин появления промагистратур являлась потребность в большем количестве военачаль-

---

¹¹ Develin 1975, 716–722.

¹² Cornell 1995, 370.

¹³ Cassola 1962, 466.

¹⁴ Jashemski 1950, 9.

ников и одновременно нежелание увеличивать количество ординарных магистратур¹⁵.

По-видимому, римляне в этот период действительно использовали пророгацию достаточно осторожно, признавая определенную опасность неограниченного продления империя. Первая Пуническая война, превзошедшая по длительности, интенсивности и разбросанности театров боевых действий все войны, которые римляне вели ранее, тем не менее не стала таким катализатором широкого внедрения пророгации империя, каким станет война с Ганнибалом.

О пропреторах впервые упоминается в свидетельстве Ливия (*Liv.* X.25–26), из которого следует, что в 295 г. до н.э. сразу три человека – Луций Сципион, Гней Фульвий и Луций Постумий – были наделены пропреторскими полномочиями. Однако на самом деле они, видимо, находились на положении легатов при консулах и ничем не отличались от Луция Манлия Торквата, которого Ливий как раз и обозначает как легата (*Liv.* X.26.12)¹⁶.

Э. Линтотт считает, что в рассматриваемом случае впервые имело место наделение пропреторским империем частных лиц (*privati*), а не продление империя, как в случае с Филоном и другими проконсулами¹⁷. Наделение полномочиями без избрания на должность означало внедрение нового принципа отделения власти от должности, который впоследствии сделался столь явным в римском государственном праве¹⁸. Таким образом, прецедент, который позволил Публию Корнелию Сципиону, не будучи консуляром или преторием, в чрезвычайных условиях Ганнибаловой войны получить проконсульскую власть для войны в Испании решением народного собрания, мог быть заложен еще в эпоху Третьей Самнитской войны.

П.Г. Виллемс, анализируя различные аспекты функционирования института промагистратуры, выделил следующие основные его особенности: отсутствие у промагистратов городской власти (*imperium domi*) и наделение их исключительно военной властью (*imperium militiae*) в отношении той конкретной задачи или территории (*provincia*), которая им при этом назначена; подчиненный характер промагистратуры по отношению к магистратуре; наконец, возможность лишения промагистратов империя по решению народа¹⁹.

---

¹⁵ Stuart Jones, Last 1928a, 437.

¹⁶ Белкин 2001.

¹⁷ Lintott 1999, 114. Ср.: Jashemski 1950, 6–7; Develin 1975, 718, n. 13.

¹⁸ Nicolet 1984, 338.

¹⁹ Виллемс 1888, 280–281.

Как утверждает А.М. Сморгчов, промагистраты не нуждались в специальном куриатном законе о своей империи (*lex curiata de imperio*), поскольку их империй распространялся только на ту территорию (*provincia*), которую им назначал сенат, так что при пересечении померия по возвращении в Рим промагистрат автоматически терял свои полномочия и вновь становился частным лицом²⁰.

Кто же все-таки принимал решение о продлении полномочий? В случае с первым проконсулом, как было показано, решение было принято комициями по предложению народных трибунов (впрочем, даже там по смыслу инициатором нововведения выступает сенат). Но уже о 307 г. до н.э. Ливий лишь кратко сообщает: «сенат продлил ему [Квинту Фабию. — А.В.] высшую военную власть при консулах Аппии Клавдии и Луции Волумнии, невзирая на противодействие Аппия»²¹. Впрочем, в 295 г. до н.э., по свидетельству Ливия, «военные полномочия Луция Волумния, согласно постановлению сената и *решению народа*, были продлены еще на год [курсив мой. — А.В.]»²².

Согласно свидетельству Полибия именно от сената зависело осуществление планов и расчетов военачальников еще и потому, что сенат имел власть послать нового консула по истечении годичного срока или продлить службу действующего (*Polyb. VI.15.6*). Возможно, поначалу для продления полномочий требовалось решение народного собрания, но с начала III в. до н.э. в отсутствие чрезвычайных обстоятельств за продление магистратских полномочий стал отвечать сенат, что со временем стало эффективным инструментом сенатского контроля над структурами исполнительной власти²³.

Третья Самнитская (298–290 гг. до н.э.) и Пиррова (280–275 гг. до н.э.) войны продолжили процесс вытеснения консулов из гражданской сферы в военную. Империй консулов становится преимущественно военным, хотя еще встречаются отдельные случаи его применения к гражданам, главным образом при воинском наборе. Так, в 275 г. до н.э. консул Маний Курий Дентат при проведении набора для решающей битвы с Пирром, когда призванный им юноша из Поллиевой трибы не ответил на вызов, велел конфисковать имущество этого человека. Когда же тот попросо-

²⁰ Сморгчов 2003, 33–34.

²¹ *Liv. IX.42.2: senatus in insequentem annum, quo Ap. Claudius L. Volumnius consules fuerunt, prorogavit maxime Appio adversante imperium.*

²² *Liv. X.22.9: et L. Volumnio ex senatus consulto et scito plebis prorogatum in annum imperium est.*

²³ Cornell 1995, 370.

вал обратиться к плебейским трибунам с просьбой о помощи и получил отказ, консул не только продал собственность этого человека, но и его самого обратил в рабство (*Val. Max.* VI.3.4; *Liv.* Per. 14).

К.В. Нич полагал, что это была не единичная мера, а реформа всей системы набора войск, согласно которой отныне набор производился путем жеребьевки триб безапелляционно и без права трибунской интерцессии, пока не получали требуемого числа солдат²⁴. На наш взгляд, речь скорее идет о более суровом, нежели это было принято, применении консулом его законных полномочий, что и вызвало упоминание этого факта в ряду «достопамятных деяний» у Валерия Максима.

Представление о том, что консулы стали теперь преимущественно военными магистратами отражено в традиции. Ливий в предвыборной речи Квинта Фабия дает такую характеристику идеальным консулам: «словно оба рождены для ратного дела, в подвигах они — герои, а в словесных состязаниях и ухищрениях не искусники»²⁵ — и дальше: «Таковы и должны быть консулы; кто ловок и смышлен в законах и красноречии, вроде Аппия Клавдия, тех надо избирать преторами для отправления правосудия, чтобы они начальствовали в Городе и на форуме»²⁶. Весьма характерно, что тот же Квинт Фабий в 299 г. до н.э. отказывается от должности консула, считая, что принесет больше пользы государству в годину военных испытаний, нежели отправляя должность в стенах Города (*Liv.* X.9.11).

Во времена Самнитских войн проявилась и другая тенденция, которая наберет силу позднее. Это рост самостоятельности магистратов в военной сфере по причине все большей отдаленности театров военных действий при настойчивом стремлении сената ограничить эту самостоятельность. Первый пример такого рода — это знаменитый переход Кв. Фабия Максима Руллиана в 310 г. до н.э. через Циминийский лес в Этрурии. Римский полководец, разбив этрусков в битве, решил преследовать их в той местности, которая, по свидетельству Ливия, была «тогда непроходимее и страшнее, чем лесистые германские ущелья теперь»²⁷. Тогда сенат отправил пятерых послов с двумя народными трибунами, чтобы запретить ему переходить Циминийский лес, однако они прибыли слишком поздно

---

²⁴ Нич 1908, 137–138.

²⁵ *Liv.* X.22.6: esse praeterea viros natos militiae, factis magnos, ad verborum linguaeque certamina rudes.

²⁶ *Liv.* X.22.7: ea ingenia consularia esse: callidos sollertesque, iuris atque eloquentiae consultos, qualis Ap. Claudius esset, urbi ac foro praesides habendos praetoresque ad reddenda iura creandos esse.

²⁷ *Liv.* IX.36.1: magis tum invia atque horrenda quam nuper fuere Germanici saltus.

(*Liv.* IX.36.14), и консул успел реализовать задуманное. О переходе Фабия сообщает и Диодор, не упоминая, правда, о сенатском посольстве (*Diod.* XX.35). Однако наибольший интерес для оценки действий консула представляет свидетельство Флора, согласно которому сенатское посольство достигло консульского лагеря еще до перехода и консул открыто не подчинился сенату (*Flor.* I.17).

Ф. Мюнцер поставил под сомнение достоверность сенатского посольства, предполагая, что речь идет о редупликации более позднего случая с консулом Г. Фламинием, который в похожей ситуации в 223 г. до н.э. нарушил сенатский запрет, решив атаковать галльское племя инсубров²⁸. На наш взгляд, эти два случая все-таки различны: если Г. Фламиний активно противопоставлял себя сенату, то Кв. Фабий был представителем рода, который, по выражению самого же Ф. Мюнцера, занимал «выдающееся место среди римской высшей знати»²⁹. Поведение Фабия можно трактовать скорее как поведение независимого консула, опирающегося на значительную поддержку в римской элите, чем как действия народного вождя, подобного Г. Фламинию. Разумеется, пример Фабия нетипичен для республиканской истории, но все же, по нашему мнению, он показателен.

В связи с этим можно привлечь свидетельства источников о другом консуле из рода Фабиев, сыне Квинта Фабия Максима Руллиана, Квинте Фабии Гургите, который в 292 г. до н.э. неудачно воевал с самнитами, потерпел серьезное поражение и, бросив войско, вернулся в Рим. Об этом кратко сообщается в перифразе к 11-й книге Ливиева труда (*Liv. Per.* XI), а кроме того, есть также свидетельство у христианского автора V в. н.э. Орозия (*Oros.* III.22.6–8). В обоих источниках сообщается, что, когда сенат размышлял об отстранении консула от командования, его спасло только заступничество отца, который согласился пойти легатом к своему сыну, с тем чтобы помочь ему искупить свою вину.

В этих свидетельствах важно отметить постулируемое право сената отозвать (*submovere*) консула с театра военных действий³⁰. Вряд ли это право было закреплено законом: более вероятно, что речь шла о чрезвычайной мере в ту эпоху, когда сенат стягивал в свои руки все нити управления Республикой. Тем не менее именно в эту эпоху встречаются и другие примеры открытого неповиновения консулов сенату.

²⁸ Münzer 1909, 1803–1804.

²⁹ Münzer 1920, 62.

³⁰ *Liv. Per.* XI: *senatus de removendo eo ab exercitu ageret (сенат об отзыве его от войска обсуждает)*; *Oros.* III.22.7: *itaque cum senatus de summovendo eo deliberaret. (И вот, когда сенат размышлял об отстранении его [от командования].)*

В сохранившемся фрагменте из труда Дионисия Галикарнасского упоминается о том, что консул 291 г. до н.э. (а до этого 305 и 294 гг. до н.э.) Л. Постумий Мегелл, кичившийся своей знатностью, получил командование в Самнитской войне. Несмотря на то что сенат постановил оставить консула прошлого года Фабия в ранге проконсула, Постумий отправил ему письмо с приказанием покинуть Самний (*Dion. Hal. XVII–XVIII.4*). Сенат направил к Постумию послов с требованием не препятствовать проконсулу, однако тот настоял на своем, дав послам весьма характерный ответ: он заявил, что «не сенат властвует над ним, пока он консул, но он — над сенатом»³¹. В итоге под угрозой принуждения Фабий был вынужден покинуть лагерь во время осады города Коминия и отказаться от командования.

Т. Моммзен полагал, что действия консула в данном случае не были противозаконными, а скандал был вызван прежде всего его открытым столкновением с сенатом³². Ф. Кассола утверждал, что отказ Постумия признать главенство сената демонстрирует его привязанность древнему принципу магистратской власти, согласно которому носитель империя символизирует собой государство в целом³³.

Этот принцип суверенитета магистратской власти в начале III в. до н.э. уже уходил в прошлое из-за длительного процесса размывания полномочий, некогда сосредоточенных в одной единственной магистратуре, между большим числом вновь созданных должностей, а также укрепления роли и значения сената, все более замещавшего консулов в руководстве римской политикой. Тем не менее в отдельных случаях под влиянием личности носителя высшей магистратской власти он по-прежнему мог давать о себе знать.

Сенат в этот период пытается вмешиваться не только в гражданские, но и в военные вопросы. Известно по крайней мере о двух таких случаях: первый, о котором уже говорилось выше, произошел в 310 г. до н.э., когда сенат послал первую известную Ливию комиссию из пяти человек с двумя народными трибунами, дабы воспретить консулу Фабию переходить Циминийские горы в Этрурии (*Liv. IX.36.14*). Второй — в 295 г. до н.э., когда сенат впервые вмешивается в распределение театров военных действий между консулами и нарушает (по мнению консула Деция) принятую до этого практику жеребьевки в этом вопросе (*Liv. X.24.10*).

---

³¹ *Dion. Hal. XVII–XVIII.4.5*: οὐ τὴν βουλὴν ἄρχειν ἑαυτοῦ φήσας, ἕως ἔστιν ὕπατος, ἀλλ' αὐτὸν τῆς βουλῆς.

³² Mommsen 1887, 25, Anm. 3.

³³ Cassola 1962, 197.

С объединением Италии Римом консулы и другие магистраты Республики становятся не только преимущественно городскими властями, но и представителями римской власти в делах союзников. Ливий передает, что в 318/17 г. до н.э. претор Луций Фурий издал для кампанцев законы и для Капуи впервые стали выбирать префектов (*Liv.* IX.20.5). Что касается консулов, то на них ложится проведение по поручению сената всякого рода дознаний в отпавших городах и наказание виновных в измене Риму (дознание в Сатрике в 319 г. до н.э. — *Liv.* IX.16.10; в 314 г. до н.э. при повсеместной измене Риму для проведения дознания избирается диктатор — *Liv.* IX.26.5–6; в 303/302 г. до н.э. консулами по постановлению сената проводится дознание среди племени фрузитанов, подстрекавших герников к мятежу, — *Liv.* X.1.3).

Такого рода функций просто не существовало до того, пока Рим не подчинил своей власти Апеннинский полуостров, а теперь прежние городские магистраты становились неотъемлемой частью новой системы взаимоотношений внутри римско-италийской федерации³⁴. На наш взгляд, это стало первым этапом перерождения римских магистратур из органов власти города-государства в институт управления территориальной державы.

Наконец, необходимо отметить еще одно новшество в практике функционирования магистратской власти на территориях, где проходили военные кампании. Рассказывая о походах консула 282 и 278 гг. до н.э. Кв. Фабриция Лусцина, Валерий Максим передает, что «его [Фабриция. — *A.B.*] клиентами были все [самниты. — *A.B.*]»³⁵. Речь идет о том, что магистрат, служивший в каком-либо регионе, мог быть избран местным населением своим патроном и такие отношения нередко становились наследственными в семье этого магистрата³⁶. Помимо свидетельств литературной традиции имеется эпиграфическое свидетельство из Клузия — двуязычная надпись, которая как будто подтверждает, что К. Фабий Максим Руллиан завязал связи гостеприимства и клиентелы с лукумонами Клузия, Арретия и Перузии³⁷.

Приобретение внешней клиентелы римскими магистратами и наместниками в провинциях станет весьма распространенным явлением во II в. до н.э., однако упомянутые выше свидетельства указывают на то, что корни этого феномена можно проследить уже на рубеже IV–III вв. до н.э.

³⁴ Нечай 1972, 42–43.

³⁵ *Val. Max.* IV.3.6: universos in clientele habebat.

³⁶ Scullard 1973, 17.

³⁷ Schulze 1904, 258.

Около 290 г. до н.э. учреждается еще одна младшая магистратура — должность триумвиров по уголовным делам (*tresviri capitales*), о чем кратко сообщает эпитоматор Ливия (*Liv. Per. XI*). По-видимому, триумвиры заменили древних *quaestores parricidii*, которые к этому времени исчезли, и занимались как расследованием уголовных преступлений, так и приведением приговоров в исполнение³⁸.

Необходимость в увеличении числа должностных лиц остро ощущалась римлянами, и в 267 г. до н.э. произошло увеличение числа квесторов с четырех до восьми (*Liv. Per. XV*). О причинах этого шага и функциях новых квесторов в историографии имеются разногласия. Х. Скаллард считал, что были добавлены четыре так называемых флотских квестора (*quaestores classici*), которые назначались в определенные прибрежные районы Италии для охраны побережья и финансовых интересов государства³⁹. Эта точка зрения основана на довольно позднем свидетельстве Иоанна Лида (*Lyd. De Mag. I.27*), которое само по себе весьма спорно. Византийский автор упоминает это нововведение в связи с войной римлян с союзниками Пирра в Италии и указывает на избрание 12 квесторов, по-видимому, путая разные виды должностных лиц. Кроме Иоанна Лида никто из античных авторов не упоминает эпитет «*classici*» по отношению к квесторам, что и вызвало сомнения в достоверности этого сообщения⁴⁰.

По другой версии, удвоение числа квесторов было связано с усложнением римской финансовой системы (в свою очередь обусловленным распространением прав римского гражданства), а также принятым в 269 г. до н.э. решением о чеканке собственной серебряной монеты, о чем сообщает Плиний Старший (*Plin. N.H. XXXIII.44*)⁴¹. Эта точка зрения представляется нам более обоснованной, и мы не видим нужды рассматривать четырех добавленных квесторов как должностных лиц, в чем-то принципиально отличающихся от существовавших до этого магистратов.

Под конец Первой Пунической войны произошло еще более важное событие: римляне увеличили число ежегодно избираемых магистратов с империем с трех до четырех. Эпитоматор Ливия кратко сообщает об этом, не указывая ни на мотивацию реформы, ни на функции нового претора: «Тогда впервые были избраны два претора»⁴². Более подробно

³⁸ См.: Васильев 2012, 175–179.

³⁹ Scullard 1935, 102.

⁴⁰ Schmitz 1875, 981.

⁴¹ Staveley 2008, 438.

⁴² *Liv. Per. 19: duo praetores tunc primum creati sunt.*

свидетельство юриста II в. н.э. Помпония, включенное в Дигесты Юстиниана⁴³. Помпоний использует термин «praetor peregrinus» по отношению к новому должностному лицу, отличая его от городского претора (praetor urbanus – D. I.2.2.27) и объясняя различие сферой юрисдикции двух должностных лиц.

В основательном исследовании Р. Стюарт, посвященном значению жребия при распределении полномочий среди римских магистратов, подчеркивается тот факт, что нововведение 241 г. до н.э. означало прекращение процесса инкорпорации италийских союзников посредством надления их в ограниченном виде правами римского гражданства (civitas sine suffragio), и не случайно оно последовало за учреждением последних двух триб в Италии (Велинской и Квиринской – Liv. Per. 19). Таким образом, территория римско-италийской федерации окончательно разделилась на ager Romanus и ager peregrinus, а вместе с тем появилась и определенная иерархия носителей империя (претор перегринов, по мнению Р. Стюарт, стоял ниже в этой иерархии)⁴⁴.

Интересно привлечь свидетельство римского писателя III в. н.э. Цензорина, который в сочинении «О дне рожденья» мимоходом цитирует недатируемый плебисцит Марка Плетория⁴⁵, определявший количество ликторов и обязанности городского претора (praetor urbanus). Вполне вероятно, что этот плебисцит, неизвестный из других источников, был принят именно в рассматриваемый период времени и стал частью реформы по разделению компетенции двух преторов.

Р. Стюарт доказывает, что между носителями империя до учреждения должности претора перегринов не имело места формальное разделение компетенции, а надление теми или иными функциями происходило по жребию⁴⁶. В работе А. Бергга подчеркивается тот факт, что анналистическая традиция не указывает на наличие иерархии между тремя магистратурами, созданными по реформе 367 г. до н.э. Таким образом, вплоть до

⁴³ D. 1.2.2.28: Post aliquot deinde annos non sufficiente eo praetor, quod multa turba etiam peregrinorum in civitatem venire, creatus est et alius praetor, qui peregrinus appellatus est ab eo, quod plerumque inter peregrinos ius dicebat. (*После того как спустя несколько лет этого претора оказалось недостаточно, так как большая толпа иноземцев пришла в государство, был избран и другой претор, который был назван претором иноземцев, потому что он большей частью вел судопроизводство среди них.*)

⁴⁴ Stewart 2010, 192–193.

⁴⁵ Cens. 24.3: praetor urbanus, qui nunc est quique posthac fuat, duo lictores apud se habeto iusque ad supremam – ad solem occasum usque – inter cives discito. (*Городской претор, который есть ныне, и всякий будущий пусть имеет при себе двух ликторов, и пусть он до крайнего часа, до заката солнца, вершит суд среди граждан.*)

⁴⁶ Stewart 2010, 182.

III в. до н.э. претор являлся коллегой обоих консулов, и никакой принципиальной разницы между ними не было. Лишь начало римской экспансии в Южной Италии и растущие размеры военной добычи сделали консулат более престижной магистратурой, поскольку она давала в руки военное командование и возможности обогащения. Именно тогда претюра, ставшая ключевой магистратурой в собственно городском управлении, отошла на второй план⁴⁷. Идея о том, что разделение претуры и консулата происходило постепенно, представляется нам продуктивной, однако, на наш взгляд, этот процесс зашел достаточно далеко уже к концу IV в. до н.э., а в III в. до н.э. происходила уже дифференциация внутри самой претуры.

Если сама Первая Пуническая война не оказала сильного влияния на развитие государственных институтов, то один из ее итогов оказался чрезвычайно важным по своим последствиям. В результате этой войны римляне приобрели свое первое заморское владение (Сицилию), с чего началось становление римской провинциальной системы. По-видимому, поначалу идеи введения принципиально нового принципа управления у римлян не было. Во время войны они применяли в Сицилии ту же политику, что и на территории Италии, — заключение союзов (*foedera*) с местными городами (Мессана, Сиракузы). Как указывает А. Астин, необходимость в учреждении новых магистратских должностей возникла главным образом из-за сопротивления местного населения в Сардинии и на Корсике, которое последовало за их формальным присоединением к Римской державе в 238 г. до н.э. Результатом стало практически постоянное магистратское присутствие на островах с 238 по 227 г. до н.э., а соответственно и необходимость в особом военном командовании⁴⁸.

Однако, как отмечает Х. Скаллард, важнейшим фактором для римлян, предпочитавших адаптировать существующие институты к новым задачам, чем уничтожать их и создавать что-то принципиально новое, явилось существование на территории, подчиненной карфагенянам, практики уплаты дани⁴⁹.

В периодике к 20-й книге Ливия вслед за свидетельством о войне с иллирийцами 229/28 г. до н.э. сообщается об увеличении количества преторов до четырех (*Liv. Per.* 20). В более общем виде об этом свидетельствует и Помпоний в Дигестах (D. I.2.2.38). Более ценно свидетельство римского писателя III в. н.э. Г. Юлия Солина, который в сочинении «О достойном памяти» указывает имена первых преторов, назначенных в провин-

⁴⁷ Bergk 2011, 69, 71, 74.

⁴⁸ Astin 2008, 571.

⁴⁹ Scullard 1935, 172–173.

ции Сардиния и Сицилия⁵⁰. Это свидетельство косвенно подтверждается кратким сообщением Ливия о том, что сын Фламиния, будучи курульным эдилом в 196 г. до н.э., распределил среди граждан 1 млн мер дешевого хлеба, доставленного из Сицилии из уважения к нему и в память о его отце (*Liv.* XXXIII.42.8).

Именно с этого времени слово «provincia», обозначавшее ранее сферу компетенции, предоставленную магистрату с империем, стало обретать иной смысл: часть завоеванной территории за пределами Италии, которая поручена римскому магистрату в управление. Претор исполнял в провинции все те обязанности, которые в Риме были разделены между разными магистратурами и органами власти. Под его началом обычно состояли квестор, один или несколько легатов сенаторского ранга, а также неопределенное число «спутников» (*comites*), молодых людей знатных семей, которые обычно начинали свою политическую карьеру именно в таком качестве. Разумеется, этого было недостаточно для управления обширной территорией, и реальная администрация оставалась в руках должностных лиц местных общин.

Внедрение нового принципа управления имело два важнейших следствия, отмеченных в историографии. Во-первых, это развитие идеи о том, что провинция является собственностью римского народа, а отсюда взимание с местного населения десятины (*decumana*) в качестве платы за право проживать на этой территории и пользоваться ей⁵¹. Во-вторых, провинциальный претор, теоретически оставаясь коллегой других преторов и имея меньшую власть по сравнению с консулами, на практике находился вдали от какого бы то ни было контроля со стороны других магистратов или сената, был свободен от принципа коллегиальности и трибунского вето и, таким образом, имел весьма близкую к монархической власть в рамках своей провинции⁵². Данный фактор в особенности имел далеко идущие последствия для дальнейшей трансформации магистратской власти.

Таким образом, в период 342–227 гг. до н.э. произошел ряд существенных изменений в системе магистратур и римском государственном праве.

---

⁵⁰ *Solin.* 5.1: primo, quod utraque insula in Romanum arbitratum redacta, iisdem temporibus facta est provincia: cum eodem anno Sardiniam M. Valerius, alteram C. Flaminius praetor sortiti sunt. (Впервые, так как и этот из двух островов [Сардиния. — А.В.] попал под римское руководство, в те времена была создана провинция: когда в один и тот же год М. Валерий Сардинию, а претор Г. Фламиний другой остров [Сицилию. — А.В.] получили по жребью.)

⁵¹ Capogrossi Colognesi 2007, 191.

⁵² Scullard 1935, 176. Разумеется, имели место некоторые ограничения: привилегии местных общин, дарованные провинциальным статутом (*lex provinciae*), а также срок пребывания в должности, на которые Х. Скаллард также указывает, однако они несравнимы с ограничениями власти магистратов в Риме.

Попытки демократизации магистратур, предпринятые начиная с плебисцита Генуция, были во многом сведены на нет началом Второй Самнитской войны. Военные нужды вызвали к жизни институт промагистратуры, которому было суждено сыграть важную роль в будущем Римской республики. Еще более важным оказалось впервые предпринятое в этот период отделение власти от должности. Этот опасный прецедент в римском государственном праве будет иметь далеко идущие последствия в период поздней Республики. Рост самостоятельности магистратов в военной сфере и появление новой формы клиентелы, связанной с подведомственной магистрату территорией, означали выход магистратуры за пределы города-государства и появление новой сферы магистратской компетенции — *provincia*. Поскольку новые полномочия римских должностных лиц рождались в горниле непрерывных войн, возможности сенатского контроля были объективно ограничены, а империй магистратов регенерировал в полном объеме. В 227 г. до н.э. военная *provincia* была впервые обращена в административную на завоеванных римлянами островах Сицилии и Сардинии, что обозначило значимую веху в процессе перерождения магистратской власти из института города-государства в институт территориальной державы.

Литература

1. *Белкин М.В.* 2001: Сенат и промагистратуры римской республики // Античное общество — IV: Власть и общество в античности: Материалы международной конференции антиковедов, проводившейся 5–7 марта 2001 г. на историческом факультете СПбГУ. СПб. (<http://www.centant.pu.ru/centrum/publik/confcent/2001-03/belkin.htm>).
2. *Васильев А.В.* 2012: Институт помощников царя и его значение для генезиса магистратской власти в Риме // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 11, 175–179.
3. *Виллемс П.Г.* 1888: Римское государственное право / Пер. с франц.; под ред. П.Н. Бодянского. Киев: Тип. Имп. ун-та Св. Владимира.
4. *Нечай Ф.М.* 1972: Образование римского государства. Мн.: Изд-во БГУ.
5. *Нич К.В.* 1908: История римской республики / Пер. с нем.; под ред. Д.П. Кончаловского. М.: Тип.-литогр. Рус. Т-ва печ. и изд. дела.
6. *Сморчков А.М.* 2003: Куриатный закон об империи и ауспиции магистратов // Древнее право. *Ius Antiquum*. 1 (11), 24–39.
7. *Astin A.E.* 2008: Postscript. The Emergence of the Provincial System // САН. 2nd ed. Vol. VII. Part 2. Cambridge, 570–572.
8. *Bergk A.* 2011: The Development of the Praetorship in the Third Century BC // Consuls and Res Publica: Holding High Office in the Roman Republic / Ed. by H. Beck, A. Duplá, M. Jehne, F. Pina Polo. Cambridge, 61–74.

9. *Billows R.* 1989: Legal Fiction and Political Reform at Rome in the Early Second Century B.C. // *Phoenix*. Vol. XLIII. 2, 112–133.
10. *Capogrossi Colognesi L.* 2007: *Diritto e potere nella storia di Roma*. Napoli: Jovene.
11. *Cassola F.* 1962: *I gruppi politici romani nel III secolo A.C.* Trieste: Istituto di storia antica.
12. *Cornell T.J.* 1995: *The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (1000–264 BC)*. London; New York: Routledge.
13. *De Sanctis G.* 1960: *Storia dei romani*. Vol. II. 2^{nda} ed. Firenze: La Nuova Italia.
14. *Develin R.* 1975: Prorogation of imperium before the Hannibalic War // *Latomus*. Vol. 34. 3–4, 716–722.
15. *Fraccaro P.* 1933: *L'organizzazione politica dell'Italia romana*// *Atti del Congresso Internazionale di Diritto Romano*, 22–29 Aprile. Roma.
16. *Jashemski W.F.* 1950: *The Origins and History of the Proconsular and the Praetorian Imperium to 27 B.C.* Chicago: The University of Chicago Press.
17. *Lintott A.* 1999: *The Constitution of the Roman Republic*. Oxford: Clarendon Press.
18. *Mommsen Th.* 1887: *Römisches Staatsrecht*. 3. Aufl. Bd. I. Leipzig: Verlag von S. Hitzel.
19. *Münzer F.* Fabius (114) // *RE*. Hbbd. 12, 1800–1811.
20. *Münzer F.* 1920: *Römische Adelspartieien und Adelsfamilien*. Stuttgart: Darmstadt Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
21. *Nicolet Cl.* 1984: *Strutture dell'Italia romana (sec. III–I a.c.)* / Trad. di C. Ampolo e M.C. Giammarco Razzano. Roma: Jouvence.
22. *Ogilvie R.M.* 1965: *A Commentary on Livy Books 1–5*. Oxford: Clarendon Press.
23. *Scullard H.H.* 1935: *A History of the Roman World 753–146 BC*. London: Methuen&Co. Ltd.
24. *Scullard H.H.* 1973: *Roman Politics, 220–150 B.C.* 2nd ed. Oxford: Clarendon Press.
25. *Schmitz L.* 1875: *Quaestor* // *DGRA*, 980–982.
26. *Schulze W.* 1904: *Zur Geschichte lateinischer Eigennamen*. Berlin: Weidmann.
27. *Staveley E.S.* 2008: *Rome and Italy in the Early Third Century* // *CAH*. 2nd ed. Vol. VII. Part. 2. Cambridge, 420–455.
28. *Stewart R.* 2010: *Public Office in Early Rome: Ritual Procedure and Political Practice*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
29. *Stuart Jones H., Last H.* 1928a: *Early Republic* // *CAH*. 1st ed. Vol. VII. Cambridge, 436–484.

30. *Stuart Jones H., Last H.* 19286: The Making of a United State // САН. 1st ed. Vol. VII. Cambridge, 519–553.
31. *Toynbee A.J.* 1965: Hannibal's Legacy: The Hannibalic War's Effects on Roman Life. Vol. I–II. London; New York; Toronto: Oxford University Press.

A.V. VASILIEV

**SUL PROBLEMA DELL'EVOLUZIONE
DELL'ISTITUTO DEL POTERE
DEL MAGISTRATO A ROMA NEGLI
ANNI 342–227 A.C.**

(RIASSUNTO)

Nell'articolo si descrive lo sviluppo dell'istituto del potere magistratuale a Roma nel periodo che va dal plebiscito di *Genucius*, che per la prima volta stabilì le norme di elezione alle cariche più alte e la creazione delle province romane in seguito alla prima guerra punica. Le difficoltà incontrate da Roma durante questo periodo bellico molto difficile, diventarono causa non solo dell'inosservanza del plebiscito *genucio*, ma anche della creazione di nuovi strumenti istituzionali per la soluzione di problemi militari come il prolungamento dei poteri magistratuali. L'autore sostiene che l'uso di promagistratu-

re diventò abbastanza normale nella prassi istituzionale della repubblica Romana già dall'inizio del III sec. a.C. Inoltre, vengono analizzati fatti che dimostrerebbero un incremento della sfera d'indipendenza dei magistrati negli affari militari (come la possibilità di disattendere in alcune circostanze le indicazioni del senato, l'emergenza di clienti personali per alcuni magistrati romani sul territorio appena conquistato). Infine, l'autore esamina le cause e la natura dei cambiamenti che riguardarono le prerogative dell'autorità magistratuale in associazione con la creazione delle prime province.